

Respectus philologicus 2002–2004, №№ 1 (6)–6 (11)

Журнал *Respectus philologicus* выходит с 1999 г. и к исходу своего пятилетия, с № 5 (2004), стал совместным изданием Каунасского гуманитарного факультета Вильнюсского университета (Литва) и Гуманитарного отделения Академии Свентокшыской им. Яна Кохановского в Кельце (Польша). За это время журнал вырос в действительно необходимое для исследователей обширного региона научное периодическое издание. Выходит *Respectus philologicus* дважды в год. Статьи, обзоры и рецензии публикуются на английском, литовском, польском, русском языках. Статьи, по понятным соображениям, сопровождаются достаточно подробными резюме на языках, отличных от языка работы. Должное место в журнале занимают хроника научной жизни и рецензии, а также переводы статей и фрагментов монографий известных зарубежных ученых с английского и французского языков на литовский.

География авторов охватывает Белоруссию (Гомель, Минск), Украину (Макеевка), Литву (Вильнюс, Каунас, Шяуляй), Польшу (Варшава, Гданьск, Кельце, Лодзь, Сосновец, Щецин), Венгрию (Ньиредьхаза), Россию (Волгоград, Екатеринбург, Москва, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Ставрополь, Тверь), Латвию (Даугавпилс, Резекне, Рига), Эстонию (Таллинн, Тарту), Казахстан (Алматы), Канаду (Гамильтон), США (Нью-Йорк), что придает журналу поистине международный размах. Немаловажным достоинством журнала является его при-

сутствие в Интернете (по адресу <http://filologija.vukhf.lt/index.html>) – правда, статьи ряда последних номеров даются в виде не html-файлов, а не всегда удобных вордовских документов.

Важной особенностью журнала представляется его интердисциплинарность. Она проявляется не только в том, что под одной обложкой соединяются работы исследователей исторической лексикологии и экспериментальной фонетики, политической коммуникации и рекламного дискурса, истории и методики преподавания, теории и истории литературного перевода, особенностей постмодернистских литературных текстов и фольклорных кодов. Существеннее то, что в отдельных работах пересекаются методы и объекты различных областей гуманитарных и социальных наук, поскольку программная формула журнала «человек в пространстве языка» позволяет соседствовать в нем различным способам анализа разнообразных дискурсивных практик – от песен *Битлз* (Елена Киреева; № 4, 2003) и обращения президента Буша к нации 19 марта 2003 г. (Вероника Бразене; № 5, 2004) до классической русской поэзии и современной зарубежной прозы.

Примером может быть статья Юрия Степанова (№ 4, 2003), в которой рассматривается функционирование эвфемизма в широком понимании, и поэзия (приводятся, в частности, примеры из Ахматовой и Маяковского) трактуется как «эвфемизация

действительности», преобразование ментальной действительности. Другой пример – статьи главного редактора журнала Элеоноры Лассан, в которых анализируется функция базовой метафоры в порождении текстов газеты, романа (*Преступление и наказание* Ф. Достоевского) и песни (тексты Б. Гребенщикова) (№ 1, 2002), а соотношение семантического и концептуального анализа субстантива «надежда» выявляется с привлечением стихотворений Батюшкова и Пушкина, интервью Быкова и Бродского (№ 2, 2002).

В статье Дайвы Алюкайте рассматриваются мифологические составляющие романа литовского писателя С. Т. Кондратаса *Взгляд ужа* (№, 2002), в статье Элины Науйокайтене – сюрреалистические элементы в поэзии Генрихаса Радаускаса (№ 5, 2004). В работе Эгле Климайте-Кятуракене о понимании слова и текста в литературно-критическом и социокультурном творчестве Томаса Венцловы (№ 1, 2002) представляют интерес соображения об усвоении литовским поэтом и литературоведом опыта русских акмеистов и обнаруженное сходство его эстетической концепции с эстетикой Осипа Мандельштама.

Предложенный Ириной Мельниковой анализ интертекстуальных и архитектуральных связей повести Джона Фаулза *Загадка* демонстрирует способ восстановления смысла, применимый ко многим модернистским и постмодернистским произведениям, очевидно, не только английской литературы (№ 1, 2002). Фрагмент поэмы Аллена Гинзбурга, применяя методы, выработанные теорией когнитивных структур, анализирует Михаилас Виноградовас (№ 4, 2003). В различных аспектах исследуются также поэзия Оскара Милоша (Ирена Скурдене; № 3, 2003), проза Майкла Ондатже (Крис-

тина Снакявичюте; № 3, 2003), Стивенсона и Барри (Рита Брамане; № 5, 2004), Габита Мусрепова (Бакытжан Майтанов; № 6, 2004), Вольфганга Борхерта (Каринэ Лагановска; № 6, 2004).

Русские прозаические тексты рассматриваются в трех работах последнего из вышедших номеров журнала. Это статьи Терезы Дудек о повествователе, авторе и герое в прозе Андрея Битова, Иосифа Трофимова о мифологеме *блудово болото* в рассказе Михаила Пришвина «Кладовая солнца», Имре Пачаи об особенностях лексики Валентина Распутина и Сергея Залыгина (№ 6, 2004). По общему объему и количеству их превосходят работы, материал и проблематика которых связаны с поэзией.

Так, в статье Олега Гринбаума проясняется реализация принципа «золотого сечения» в Онегинской строфе у Пушкина, Баратынского, Лермонтова, позволяющая математически проверить и мерой ритмико-гармонической точности подтвердить художественную ценность анализируемых произведений (№ 1, 2002). Александр Федута представил детальное сопоставление трех авторских редакций послания «Булгарину» Баратынского; анализ литературно-бытового контекста и текстов современников поэта убеждают в сознательном стремлении Баратынского расширить «базу адресатов послания» (№ 4, 2003). Тот же автор продемонстрировал свойственную ему текстологическую скрупулезность и сосредоточенное внимание к историко-литературным обстоятельствам в статье о балладе Мицкевича «Три Будриса», ее подстрочном переводе Булгариным и пушкинском «Будрыс и его сыновья». В приложении опубликован болгаринский подстрочник (впервые за 175 лет с тех пор, как он появился в *Сыне Отечества и Северном Архиве*),

на который мог ориентироваться Пушкин, «воспринимая болгаринские примечания к переводу как вызов». Подстрочник Булгарина и перевод Пушкина, как показало исследование, отражают различие эстетических и переводческих установок.

В цикле Александра Блока «На поле Куликовом» Татьяна Волкова (№ 6, 2004) различает две формы выражения авторского сознания – индивидуальное (лирический герой) и национальное народное (ролевой герой). К творчеству Блока как к иллюстрации в детальном анализе понятия мотива в контексте концепции «герменевтического круга» обращается и Наталья Марцинкевич (№ 6, 2004). Анализ стихотворения Велимира Хлебникова «На родине красивой смерти – Машуке» обнаруживает «самоинтерпретирующую систему», моделирующую «самоинтерпретирующую систему» Лермонтова и разворачивающую новые стратегии исследования лермонтовского творчества (Клара Штейн; № 1, 2002).

Инга Видугирите в сборнике Николая Гумилева *Колчан* выявила мотивы, в явном или скрытом виде отсылающие к поэзии и личности Иннокентия Анненского. Они образуют в этапном сборнике поэта своеобразный внутренний текст (интертекст) Анненского, формирующий автобиографический дискурс Гумилева (№ 4, 2003). Галина Михайлова, анализируя «миф о Поэте» в фрагменте *Поэмы без героя* Анны Ахматовой, тщательно рассмотрела интертекстуальные связи отрывка с текстами Браунинга, Шелли, Байрона, Бодлера, Готье, Гумилева, прояснив, каким образом в ахматовскую поэзию «перетекают» европейская романтическая и постромантическая литературные традиции (№ 3, 2003).

В статьях *Respectus philologicus* исследуются анималистический мир поэзии Владимира

Высоцкого (Инна Намакштанская, Елена Романова; № 4, 2003) и роль семантических окказионализмов в его творчестве (Ирина Шкробова; № 4, 2003). Анна Беднарчик в итоге детального анализа семантических сдвигов в польском переводе «Райских яблук» Владимира Высоцкого предложила в оценках переводов учитывать, прежде всего, «принятую транслятором переводческую доминанту»; конкретные переводческие решения следует оценивать мерой соответствия переводческой стратегии, которая, впрочем, может быть и ошибочной (№ 2, 2002). Автор развивает свои идеи в статье о семантических сдвигах в польских переводах Анны Ахматовой; по мнению исследователя, воссоздание неизвестных иноязычному читателю биографических и интертекстуальных элементов подлинника не должно быть обязательным условием удачного перевода (№ 5, 2004). Некоторые аспекты переводов на польский язык стихотворений Булата Окуджавы представлены и в статье Лидии Мазур-Мержвы (№ 6, 2004).

Иные способы анализа и оценки переводов поэтических текстов вытекают из понимания перевода как перехода из семиосферы одной культуры в семиосферу другой (Борис Балясный; № 3, 2003). В статье Юлии Шор о полифонии в литературных пародиях и подражаниях сопоставляются переводы А. Оленича-Гнененко, Н. Демуровой и Б. Заходера одних и тех же стихотворений из *Алисы в стране чудес* Льюиса Кэрролла, что позволяет уточнить критерии адекватности перевода. Здесь же представлены пародии на переводы из Огдена Нэша и Ганса Сакса, обнажающие переводческие приемы (№ 3, 2003). Проблема адекватности и качества перевода художественного текста обсуждается Андреем Богатыревым, привлечшего к анализу русские переводы *Гамлета* (№ 5, 2004).

За пределами обзора остались работы теоретического и методологического характера, статьи, анализирующие риторические фигуры и политические метафоры, фольклорные и этнографические материалы, вокализм и акцентологию литовского языка, а также другие публикации, тематика которых лежит, по всей вероятности, вне сферы основных интересов исследователей

русской литературы, которым, преимущественно, адресован данный обзор. В известной мере, высоким научным уровнем журнал обязан не только своим авторам, но и представительной международной редакционной коллегии и редакции. Благодаря их усилиям *Respectus philologicus* утвердился как важное международное и междисциплинарное звено научного сотрудничества.

Павел Лавринец